«ВТОРАЯ КУЛЬТУРА»
НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ ЛЕНИНГРАДА в 1970–1980-е годы

Материалы международной конференции
(*Женева, 1–3 марта 2012 г.*)

Составление и научная редакция
Жан-Филипп Жаккар
Виолен Фридли
Йенс Херльт

Редактор
Петр Казарновский

Санкт-Петербург
Издательство «Росток»
2013

УДК 821.161.1-091
ББК 83.3(2Рос=Рус)6.5
В87

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Кафедры русской литературы Женевского университета
и Фонда «Нева» (Женева)

UNIVERSITÉ
DE GENÈVE

FACULTÉ DES LETTRES
Département de langues et de littératures
méditerranéennes, slaves et orientales

В87 «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: Материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / Сост. и науч. ред.: Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херльт; Ред.: П. Казарновский. — СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2013. — 480 с.; ил., табл.
ISBN 978-5-94668-127-8

В настоящем сборнике представлены доклады, прозвучавшие на международной конференции «Вторая культура. Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы», проходившей в марте 2012 г. в Женеве. В книге рассматривается жизнь и поэтика представителей андеграунда, например таких как Е. Шварц, В Кривулин, С. Стратановский, В. Эрль. Исследования, вошедшие в книгу, дают толчок для дальнейшего изучения неофициальной литературы в контексте русской и мировой культуры XX века. Замыкают книгу стихотворения, прозвучавшие на авторских чтениях, которые проходили в рамках конференции, и другие тексты.

Книга адресована всем интересующимся историей русской неподцензурной литературы.

УДК 821.161.1-091
ББК 83.3(2Рос=Рус)6.5

Оформление переплета Александра Флоренского

© Université de Genève, 2013
© J.-Ph. Jaccard, V. Friedli, J. Herlth, 2013
© Авторы статей, 2013
© Изд. «Росток», 2013

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В настоящем сборнике представлены доклады, прозвучавшие на международной конференции «Вторая культура. Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы». Организованная совместно Женевским и Фрибурским университетами, конференция прошла с 1 по 3 марта 2012 г. в Женеве и собрала исследователей из России, Швейцарии, США, Канады, Германии, Франции и Италии. Научная часть конференции сопровождалась культурной программой: два вечера были уделены авторским чтениям стихов.

Целью конференции была попытка изучения «второй культуры» с разных точек зрения, для того чтобы определить ее место в контексте истории русской и мировой культуры XX в. Особенный интерес докладчиков вызвал вопрос о культурных моделях, на которые опирались представители «второй культуры». Неоднократно подчеркивалась преемственная связь между ленинградским поэтическим андеграундом позднесоветской эпохи и поэтическими течениями первой трети XX в. Как известно, многие поэты и писатели «второй культуры» сами объявляли себя наследниками Серебряного века (неслучайно, начало широкого бытования этого термина по времени совпадает с возникновением «второй культуры»), авангарда, ОБЭРИУ. В поэтических текстах ленинградского андеграунда отражается опыт предыдущих эпох, но их также отличает и ориентация на филологическое знание, на филологический образ видения мира и языка. Эта установка на преемственность, характеризующая, в той или иной степени, почти все творчество «второй культуры», стала предметом разностороннего обсуждения. В частности, был поставлен вопрос о том, в какой мере поэзия андеграунда является «“авангардизмом”

■ Петр Казарновский (Санкт-Петербург)

Приложение № 7
Неэвклидовы начала [1]

В голове образуется мистический образ какого-то города, начинают приоткрываться начала ирреальной топографии. Улицы, знакомые с детства, утрачивают прежние привычные черты, обретая новый облик. Когда попадаю в эти точки пространства, то всё становится зыбким, мерцающим. Магическая сила прошлого заставляет снова и снова возвращаться туда, где складывались элементы узоров грядущего орнамента. Стихия воспоминаний уносит к истокам сновидений, в тёмное царство Мнемозины.

Отправляясь опять и опять в безумную даль существования, в таинственное ничто фиктивного *я*, рассекаем водную гладь времени и созерцаем концентрические круги столетий.

Мы держим путь на Ничто.

(Б. Ванталов)

[1] Ванталов Б. (Констриктор Б.) Слова и рисунки. Киев: Птах, 2010. С. 143.

Марко Саббатини (*Мачерата*)

«ОБВОДНЫЙ КАНАЛ» В МИФОПОЭТИКЕ СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО 1970–1980-х гг.

0. Метафизика канала как творческое начало

СВОЕОБРАЗНАЯ природа поэтического творчества Сергея Стратановского проявляется в контексте неофициального культурного пространства Ленинграда в начале 70-х гг. Обводный канал, район где автор вырос и прожил всю жизнь, играет особую роль в типологическом определении литературных героев раннего Стратановского. В описании судьбы маленького человека советской действительности метонимическое понятие «Обводного канала» Стратановского непременно развивает и актуализирует литературную мифологию Петербурга-Ленинграда. Кроме этого, топонимика канала связывается с самиздатским изданием литературно-критического журнала 80-х гг., приобретая еще большее мифотворческое и символическое значение в контексте так называемой «второй литературной действительности» города.

1. «И мнится: я — совсем не я...»

В течение 60-х гг., в период протеста и эстетического разногласия с советской властью, когда литературная жизнь молодых литераторов Ленинграда бурлила, Стратановский не писал стихи; несмотря на это, в студенческие годы он активно интересовался

поэзией[1]. В начале десятилетия он посещал литературный клуб при Дворце пионеров, где «познакомился с Виктором Кривулиным, выдающимся поэтом, дружба с которым прошла через всю ‹...› жизнь» [2]. Филологическое образование имело особое значение в биографии Стратановского; с 1963 по 1968 г. он учился на филологическом факультете Ленинградского университета, сначала на французском и дальше на русском отделении; здесь же посещал блоковский семинар под руководством профессора и поэта Дмитрия Евгеньевича Максимова. Глеб Семенов и Дмитрий Максимов являются главными учителями поэта Стратановского:

> Считаю своим учителем Глеба Семенова, и еще по университету — Дмитрия Максимова. В 60-е гг. я оказался в его семинаре по Блоку. В то время на филфаке еще преподавал Владимир Пропп, и я посещал его семинар по фольклору. Глеб Семенов руководил Лито при «Союзе писателей». Однако это литературное объединение просуществовало недолго. В начале 70-х гг. Г. Семенов был вынужден закрыть Лито. Наверное, под давлением КГБ[3].

Поэзия стала главным содержанием в биографии Стратановского только после окончания университета, в конце 60-х гг. Тогда фольклор, русский символизм, французская литература, античная философия, религиозные вопросы и история представляли собой важные интересы будущего автора, но для творческого вдохновения решающую роль сыграло определенное историческое и по-

[1] Сергей Стратановский // Лица петербургской поэзии: 1950–1990. Автобиографии. Авторское чтение / Сост. Ю. Валиева. СПб.: Искусство России, 2011. С. 329. Стратановский принадлежит к поколению детей войны. Он родился 5 декабря 1944 г. в семье петербургских интеллигентов. Его отец Георгий Андреевич был филологом и переводчиком с древних языков; мать, Ольга Сергеевна Заботкина, преподавала французский язык в Ленинградском университете.

[2] Там же.

[3] Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским (Санкт-Петербург 10 марта 2003) // Петербург столица русской культуры: В 2-х т. / Сост. А. д'Амелия. Salerno: Europa Orientalis, 2004. Т. 2. С. 247. Ср.: «Членами этого литературного объединения были те же Кривулин и Игнатова, а также Тамара Буковская, Михаил Гурвич (Яснов), Владимир Кривошеев, Борис Куприянов, Олег Охапкин, Татьяна Царькова, Петр Чейгин, Виктор Ширали и другие» (Сергей Стратановский // Лица петербургской поэзии. С. 329).

литическое событие — «Пражская весна»[1]. Стратановский начал писать стихи после августа 1968 г., под впечатлением «акта агрессии» советских танков в Чехословакии. Поэт трагически ощутил разочарование в кровавом империализме власти и в отсутствии либеральных реформ. У него, как у многих писателей того времени, признаки больной системы стали явными. У молодого поэта возник вопрос самоидентификации в контексте нового поколения протестующих молодых литераторов: «Кто я, чем я занимаюсь и какой смысл в этом»[2]. Согласно словам Стратановского, «жизнь заставляла задуматься над экзистенциальными проблемами, и было желание выразить их как на языке поэтическом, так и на языке философии»[3].

Страшнее нет — всю жизнь прожить
И на ее краю
Как резкий свет вдруг ощутить
Посредственность свою

Как будто ты не жил
Соль мира не глотал
И не любил, и не дружил
А только дни терял

Как будто ты существовал
В пол-сердца, в пол-лица
Ни бед, ни радостей не знал
Всем телом, до конца

[1] «Поэтическая биография Стратановского определилась двумя факторами: бурной "пражской весной" 1968 и великолепием былой царскосельской культуры, на фоне которой эта "весна" переживалась. ‹...› Начав посещать литературное объединение при СП, руководимое Г. С. Семеновым, он нашел в нем много будущих товарищей по цеху, с которыми и связал литературную судьбу ‹...›. К этой же группе ‹...› можно отнести еще нескольких поэтов, в первую очередь Елену Шварц» (Арьев А. Стратановский Сергей Георгиевич (5.12.1944) // Люди и книги... Мемуары великих (http://www.az-libr.ru/Persons/000/Src/0010/5cfde748.shtml (дата обращения: 10.08.2012)).

[2] Иванов Б. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е — 1980-е годы // Самиздат Ленинграда. Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Северюхина. Сост.: В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. М.: НЛО, 2003. С. 569.

[3] Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251.

И вот — поверь глазам
Как соль стоит стена
Ты был не тот, не сам
И словно соль — вина[1]

Ощущение страха имеет большое значение в первых произведениях поэта[2]. Преодоление подобного внутреннего состояния человека может произойти только через воплощение этих самых чувств в поэтическом творчестве. В поэзии Стратановского множество примеров подобного восприятия творческого акта: в этом плане, рядом с мотивами экзистенциализма, находим так называемые «религиозные мотивы» и метафоричность образа Бога.

Выбранные поэтом библейские фигуры и цитаты играют важную символическую роль. Нужно заметить, что в конце 70-х гг. в самиздате распространяется самый крупный сборник стихов Стратановского под названием «В страхе и трепете». В одноименном стихотворении библейская ссылка к труду «Страх и трепет» датского философа Сёрена Кьеркегора свидетельствует об особом отношении поэта к Богу:

Нас гладит Бог железным утюгом
Он любит нас с ожогами на коже
А мы скулим и жалуемся: «Боже
Ты был нам братом, сделался врагом» ‹...›[3]

По словам Стратановского, «Библия читается глазами советского человека. Но для меня в Новом Завете, и особенно в Ветхом Завете, важно это столкновение человека с вопросами бытия и его судьбы ‹...› но впечатление такое, что понятие небесного Бога далеко от человека. А мне в первую очередь важен человек. Судьба человека»[4]. Необходимо также обратить внимание на то, что для

[1] Стратановский С. «Страшнее нет — всю жизнь прожить...» ‹1968–1972› // Стратановский С. Стихи. СПб.: Ассоциация «Новая литература», 1993. С. 4.

[2] «"Вторая культура" осознала себя как таковую именно в семидесятые. А происходило это на достаточно мрачном фоне, доминантой которого был страх. Был он, конечно, не таким сильным, как в сталинское время, но все-таки был» (Стратановский С. Семидесятые — преодоление страха // Пчела. № 12. 1998 (http://www.pchela.ru/podshiv/12/overcoming.htm (дата обращения: 11.08.2012)).

[3] Стратановский С. В страхе и трепете // Стратановский С. Стихи. С. 106.

[4] Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 248.

Сергей Стратановский на квартире К. Кузьминского. Ленинград, начало 70-х годов. Фото Бориса Смелова

советской цензуры религиозные мотивы Стратановского и всех неофициальных писателей того поколения относились к маргинальным явлениям «наряду с поисками новых форм, пессимизмом и переживанием утрат. Поэтому обращение к культурной традиции, к языку и символам Библии вполне органично сочеталось с инакомыслием, социальной маргинальностью авторов и с авангардистским языковым экспериментом»[1].

Еще один важный момент в поэтике Стратановского — отношение к мифотворчеству. С одной стороны, поэт деконструирует, преобразует или разрушает старые мифы, а с другой стороны, пытается создать новую мифологию. С самого начала литературного пути он устанавливает социальную направленность собственного мифотворчества. Философские, культурологические и исторические мотивы в творчестве поэта необходимо рассматривать в социальном и историческом контексте, что доказывает, например, знаменитое

[1] Зубова Л. Свобода языка — выход из времени // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. Сборник статей / Сост. Б. Иванов, Б. Рогинский. СПб.: ДЕАН, 2000. С. 161.

стихотворение «Суворов» (1973)[1]. В ранних стихах Стратановского прием мифотворчества и интеллектуального размышления смешиваются с описанием тоскливой нищеты несчастных героев. Согласно свидетельству самого автора, многие тексты подобного рода связаны с местом, неподалеку от которого он живет:

> Это отрезок Обводного канала от Балтийского вокзала до Петергофского проспекта ‹...›. Вдоль этой части Обводного тянется мрачное, похожее на крепость, здание завода «Красный треугольник»! Район этот, по обоим берегам канала, был для меня всегда концентрацией ущерба, заброшенности, богооставленности[2].

В самиздатском сборнике 1979 г. «В страхе и трепете» выделяется третий раздел стихотворений под названием «Обводный канал»[3]. Открывает этот раздел, включающий десять сочинений, одноименное стихотворение, написанное в 1969 г.:

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

А там — Главрыбы и Главхлеба
Немые, пасмурные души
А там промышленное небо
Стоит в канале
И боль все медленней и глуше
А ведь в начале

[1] «‹...› в 1968 году танки вошли в Прагу, и поэтому стихотворение отсылает и к этому событию. События в Праге 1968 г. произвели на меня большое впечатление. В стихах я говорю о другой Праге, около Варшавы. Тема этого стихотворения — это имперская политика. Осмыслить такой феномен завоевания, подавления мятежей. В 1985 его не опубликовали в "Круге" ‹...› потому, что оно было совершенно неприемлемо для цензуры. Но я читал эти стихи в 70-е годы устно. Я читал в дружеских компаниях, в литературных кружках и в Лито Виктора Сосноры. В Москве тоже это стихотворение было широко известно в разных кругах» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 249–250).

[2] Там же. С. 250.

[3] Стратановский С. В страхе и трепете. Избранные стихи 1968–1979. Ленинград, 1979. С. 22–31 (Бременский архив. Фонд «Рохлин» 30.53). Ср.: Стратановский С. Стихи 1975–1978 годов // Часы. 1979. № 16. С. 61–74 (Бременский архив. Фонд 5/2.01).

Была такая боль ...
Дым заводской живет в канале
Чуть брезжит, чуть брезжит осенний день
И буквы вывески Главсоль
Шагают по воде
И мнится: я — совсем не я
Среди заводов и больниц
Продмагазинов, скудных лиц
Я стал молчанием и сором бытия[1]

Эти стихи описывают томительное состояние лирического героя и передают его внутренние ощущения под впечатлением тяжелой атмосферы канала. Здесь также выделяется типичная композиционная природа поэзии раннего Стратановского на уровне лексики. Составные слова советского бюрократического языка (Главрыбы, Главхлеба, Главсоль, Продмагазинов), характеризуя «знаковую систему» Обводного канала, показывают всю отчужденность, одиночество и сюрреалистическое состояние главного героя[2]: «И буквы вывески *Главсоль* / Шагают по воде / *И мнится: я — совсем не я*».

В этих стихах Стратановского слышится интертекстуальное эхо знаменитого стихотворения Николая Заболоцкого «Обводный канал» (1928):

В моем окне — на весь квартал
Обводный царствует канал.
‹...›
А вкруг черны заводов замки,
Высок под облаком гудок.
И вот опять идут мустанги
На колоннаде пышных ног.
И воют жалобно телеги,
И плещет взорванная грязь,
И над каналом спят калеки,
К пустым бутылкам прислонясь[3].

[1] Стратановский С. Обводный канал // Стратановский С. Стихи. С. 19.
[2] Иванов Б. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе. С. 574–575.
[3] Заболоцкий Н. Столбцы. Л.: Издательство писателей Ленинграда, 1929. С. 53–54.

Произведения Заболоцкого, включенные в сборник «Столбцы», повлияли на ранние стихи Стратановского[1]. Кроме этого, существуют другие произведения и судьбы выдающихся петербургских писателей XX в., связанные с Обводным каналом: данный мотив присутствует у Федора Сологуба, Иннокентия Анненского, Алексея Крученых («Смерть художника», 1913), Константина Вагинова («Козлиная песнь», 1927), Георгия Иванова («У входа в бойни, сквозь стальной туман...», 1951), характеризует молодые годы Иосифа Бродского[2] и появляется в стихах современников Стратановского — Тамары Буковской («Воздух движется свободный...», 1966) и Виктора Кривулина («Обводный канал», 1971):

Сумерки. Дождик частит.
Тусклые вспышки на черном.
Тускло зрачок твой блестит,
влагой ли, злобой налит,
духом ли тронут тлетворным
свалок, каналов, обид...[3]

Подобная литературная мифология связана с впечатлениями еще двух современников поэта, живших в этом районе, — Александра Миронова и Елены Шварц (см. ее стихотворения «Торговка», 1994, и «Обводный канал — маленькая элегия», 2007[4]), вместе с которыми Стратановский создавал символический «треугольник» поэтов Обводного канала[5].

[1] О влиянии Заболоцкого на Стратановского см.: Левин А. Двухголовая теодицея с последующим ее опровержением // Знамя. 1995. № 7. С. 225–226.

[2] См.: Иосиф Бродский, Евгений Рейн. Человек в пейзаже. Интервью 1998 года / Подг. текста и прим. Н. Рейн // Арион. 1996. № 3 (http://magazines.russ.ru/arion/1996/3/rein.html (дата обращения: 14.12.2012)).

[3] Кривулин В. Обводный канал // Кривулин В. Стихи: В 2-х т. Ленинград — Париж: Беседа, 1988. Т. 1. С. 38.

[4] «Здесь мы, а там уж мир иной. / Канал Обводный, мерзлый, тусклый, / Мир очертил чертой стальной — / Как будто вымечтан этруском / Соннотекущий змей больной» (Шварц Е. Перелетная птица. Последние стихи. СПб.: Пушкинский фонд, 2011. С. 12).

[5] Это свидетельство самого Стратановского; имеется в виду параллелизм с заводом резиновой продукции «Красный Треугольник», одним из старейших промышленных символов Санкт-Петербурга, расположенным на Обводном канале.

Общее ощущение *крайности* и *маргинальности* — это то, что объединяет большинство вышеуказанных писателей и их текстов с мотивом канала у Стратановского, и это, в какой-то степени, соответствует истории и начальной цели Обводного канала, который еще в середине XIX в. представлял собой южную границу города[1]. Но в петербургской поэзии XX в. это положение «жизни на краю» приобретает оттенок метафизического отчуждения лирического героя. Почти мистическая видимость поэта на грани глубокой меланхолии объясняется контрастом ландшафта Обводного канала с идеальной организацией пространства города. Петербург — город проспектов и каналов, и, по словам Андрея Белого в «Петербурге», «есть бесконечность в бесконечности бегущих проспектов»[2]. В описании мрачных пейзажей Обводного канала впечатление усиливается мотивом *конечности* времени и пространства, тяжелой *видимостью* индустриального района и повседневной уродливости. Поэт не исключает мотива смерти, о чем свидетельствует следующее стихотворение:

На заводе умирали
Каждый месяц, чередой
Их портреты выставляли
В черных рамках, в проходной

И ручьями заводскими
В чистой лодке похорон
Приезжал всегда за ними
Старый лодочник Харон

Через дождь, скучанье, горе
Сквозь надгробные слова

[1] «Строительство канала началось в 1803 году. <...> Канал предназначался для отвода воды во время наводнений <...> а также для транспортного обслуживания расположенных на его берегах промышленных предприятий. Это последнее обстоятельство определило отношение к каналу петербуржцев. Канал был грязен, замусорен отходами производства и, кроме того, ассоциировался с тяжелым изнурительным трудом. Его называли "Городской ров", или "Канава". <...> Со временем Обводный канал и в самом деле превратился в сточную канаву с дурным запахом и дурной славой» (Синдаловский Н. От дома к дому... От легенды к легенде... СПб.: Норинт, 2001. С. 356–357).

[2] Цит. по: Топоров В. Петербургский текст русской литературы. Москва: Прогресс Культура, 1995. С. 291.

Уплывали души в море
Там — Блаженных острова[1]

Души умерших ударников уходят вглубь по каналу, и ссылка к лодочнику Харону мгновенно заставляет читателя провести параллель между Обводным каналом и Стиксом, рекой древнегреческой мифологии[2]. Эти стихи еще раз доказывают, что «у Стратановского не мрачный быт облагораживается архаикой, но архаика приобретает черты мрачного быта»[3].

Итак, в русле поэтической традиции города находит место особый вид «маленького человека» Стратановского: это — советское представление Сизифа, это жертва нового быта, где доминируют чувства боли и одиночества:

Ленинградская лестница, щи, коммунальная дверь:
‹...›
Там женщина плачет в смятенье и горе,
В норе бытия без любви и без света.
И ни единым словом не согрета[4].

Другой показательный пример подобного (анти)героя — это *мочащийся пролетарий* с его ужасной судьбой в плену скуки бытия. В духовном взоре этого *жалкого*, *некрасивого*, *безобразного*, *грубого* героя присутствуют только «цехи, трубы, человеки» и, кажется, больше ничего:

[1] Стратановский С. «На заводе умирали...» ‹1970› // Стратановский С. Стихи. С. 20.

[2] Рогов О. О поэзии Сергея Стратановского (Очерки русской неподцензурной поэзии второй половины XX века. Статья вторая) // Волга. 1999. № 9 (http://magazines.russ.ru/volga/1999/9/rogov-pr.html (дата обращения: 12.07.2012)).

[3] «Вот оно — двоемирие Сергея Стратановского. Сквозь мрачный быт становится видна архаика. Не облагороженная пересказами Древняя Греция, а настоящая жестокая действительность мифа. "Река непрозрачная" — Обводный канал, издавна самая грязная река Питера. Но это еще и Ахеронт, река мертвых, потому и вода в ней непрозрачная, потому и плывет по ней голова Орфея. Он пел в подземном переходе, потому, как Орфей, как раз и спускался под землю в царство мертвых» (Елисеев Н. Бормотание времени (О стихах Сергея Стратановского) // Арион. № 3. 2010 (http://magazines.russ.ru/arion/2010/3/el22.html (дата обращения: 11.09.2012)).

[4] Стратановский С. «Ленинградская лестница...» ‹1975› // Стратановский С. В страхе и трепете. Избранные стихи 1968–1979. С. 29.

Сквозь сон мочащийся Сизиф
Чернорабочий, такелажник
Жалок он и некрасив
Был набит его бумажник
Квартальной премией,
но скуку бытия
Почувствовав, все пропил сразу ‹...› [1].

Этот пьянствующий *Сизиф*, живя в бессмысленной действительности, одновременно является жертвой бытия и заразой для общества. Поэт описывает с трагической иронией эту двойную парадоксальную судьбу антигероя:

Взяла милиция тебя
Как социальную заразу
И в вытрезвителе,
мочась сквозь небо ночи,
На свой завод, на прорву труб ‹...› [2]

В заключительных строках стихотворения выделяется также прием лиризации с иронической наглядностью, благодаря которому прежде описанное, тяжелое психофизиологическое состояние ленинградского антигероя находит в метонимическом виде «уходящей мочи» единственное, долгожданное, хотя временное и мельчайшее, освобождение:

А моча уходит в реки,
А после в Неву и море
В огромное, чистое море
Где чайки кричат над водой [3]

Аналогичные примеры лиризации и романтизации убогой жизни в промышленном облике Обводного канала находим в стихах «Так уходит земля...» (1972):

Квартал у железной дороги
С дымами заводов своих

[1] Стратановский С. Мочащийся пролетарий ‹1971› // Стратановский С. Стихи. С. 24.
[2] Там же.
[3] Там же.

Как там вечерами красиво:
В полнеба бездомный закат <...>[1]

Здесь мифологическая фигура снова ассоциируется с судьбой героя: «Какой-то безумный рабочий / И бессмысленный Орфей». В стихотворении «Лубочная картинка» (1971) жалкий рабочий опять играет главную роль на сцене *неприглядной картины* города. Только любовь и алкоголь спасают этого *пустяка природы* от боли и тяжести жизни. Здесь, во второй части текста, ирония и лиризм связывают Нину, желанный женский образ, с мифологемой Эроса:

ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

И сквозь заборы и заводы
Шумят с рассветом поезда
Едет утром на заводы
Человек — пустяк природы
И дрожит сквозь непогоды
Близорукая звезда
Ночью Эрос, ночью Нина
Утром холод и завод
Неприглядная картина
Неприветливый народ
Будни жизни, бремя боли
Лишь у Нины дорогой
Ты в любви как в алкоголе
Обретаешь свет земной[2]

Во многих стихах из цикла «Обводный канал» автор сохраняет дистанцию между собой и изображаемым, «но не доводит абсурд до смешного»[3].

Вообще в поэзию 70-х гг., наряду с усилением восприятия философской и религиозной тематики, Стратановский сумел внести

[1] Стратановский С. «Так уходит земля, от которой рождаются боги...» // Стратановский С. Стихи. С. 25.

[2] Стратановский С. Лубочная картинка // Стратановский С. Стихи. С. 24–25.

[3] «Он ставит перед нами беспощадное кривое зеркало (на которое "неча пенять", ибо кривизна его адекватна нашей собственной) и вместе с нами отражается в этом зеркале» (Левин А. Двухголовая теодицея с последующим ее опровержением. С. 226).

Лев Рубинштейн и Сергей Стратановский.
Ленинград в середине 1970-х гг.

игровое начало, способное воспроизвести тонкую иронию и сарказм в описании абсурдной и иногда жестокой реальной жизни[1]. В совмещении мифологизации и реализма «обыденное интеллигентское сознание»[2] Стратановского показывает всю несовместимость Петербурга-Ленинграда с мыслящим и чувствующим человеком, невозможность жить в нормальных условиях в этом городе[3]. Вдоль каналов Ленинграда поэт описывает парадоксальную судьбу *человека-моста* («Мост от рожденья до могилы»); в стихотворении «Социологический трактат о феномене алкоголизма» (1971) бывший советский «маленький герой», типичный продукт коммунистического общества, потеряв сущность бытия в алкоголе, нашел забвение и, наконец, себя самого:

[1] Кривулин В. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 102.

[2] Ср.: Мамонтов К. Поэзия С. Стратановского // Обводный канал. 1981. № 1. С. 129–130.

[3] «Да, в этом городе жить невозможно, и нечто подлинное, последний остаток человеческого протестует против него, и все-таки люди этих убеждений и чувств жили в Петербурге, продолжали жить <...>» (Топоров В. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 13).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ
О ФЕНОМЕНЕ АЛКОГОЛИЗМА

Мы чудесно спасаемся пустот бытия!

И тоску, словно черствую булку
Алкогольным ртом жуя
Человек ползет по переулку
Трактуем всеми как свинья
А некогда его портреты в цехе
Сияли гордо и красиво
Он жил, радея за успехи
Родного коллектива
Была квартира и семья
И сыновья учились в школе
На диалектиков
но сущность бытия
Он потерял и в алкоголе
Нашел забвенье и себя
О ты, феномен отчужденья
Сизифо-жизнь, никчемный труд
Живут дома как наважденья
Каналы мутные текут <...>[1]

В этих стихах тоже, как часто встречается в цикле «Обводный канал», несчастный человек ищет утешение от *тошноты* бытия в алкоголе. «Феномен алкоголизма» похож на единственный путь к спасению от пустоты бытия и к освобождению от советской действительности. Здесь поступки человека ведут не только к отчуждению от общества, но и к самоуничтожению. Жизнь для советского антигероя превращается, пожалуй, еще больше в абсурд, в *Сизифо-жизнь*. Личность этого *ничтожного человеко-моста* блуждает между петербургским текстом («Живут дома как наважденья / Каналы мутные текут») и ленинградской действительностью («Здесь Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг»). Эхо заклятия царицы Евдокии «Петербургу быть пусту»[2] угадывается в следующих строках:

[1] Стратановский С. Социологический трактат о феномене алкоголизма // Стратановский С. Стихи. С. 22–23.

[2] «"*Петербургу быть пусту*" — формула типологически и, вероятно, генетически восходит к пророчеству "Книги Иеремии" (гл. 51, ст. 42–43), где предсказывается гибель и потопление Вавилона. Нам известно два круга документальных источников, зафиксировавших

О Ленинград — земля пустая
И нелюбезная народу
Здесь мутят черти из Китая
В каналах медленную воду
Здесь Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг
Сосут вампирами пустыми
И ты сгибаешься под ними
Ничтожный человеко-мост
Мост от рожденья до могилы
Через каналы и дома
Сквозь свет нелепый и немилый
Сквозь годы в мире несчастливом ‹...›[1]

Неологизмы и словосочетания в духе бюрократических советизмов характеризуют язык Стратановского[2]: часто это слова, соединяющие несоединимое, означающие живое и неживое и, являясь ясным приемом сюрреалистического стиля, имеющие «большой семантический потенциал»[3]. Синкретическое восприятие языковых средств показывает всю силу метафорического и лексического соединения человека и города «Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг». Неологизм «Ленмозг» и словообразование «человеко-мост», придуманные Стратановским, подчеркивают

это легендарное заклятие новой столицы. Первый — документы дознания царевича Алексея, в показаниях которого от 8 февраля 1718 г. заклятие приписано его матери, царице Евдокии Лопухиной: "...сказывала, что Питербурх не устоит за нами: 'Быть-де ему пусту'" (Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Спб., 1859. Т. 6. С. 457; документ, приведенный Устряловым, использовал С.М. Соловьев в 17-м томе "Истории России")» (Конечный А., Кумпан К. Примечания // Анциферов Н. «Непостижимый город...». Л.: Лениздат, 1991. С. 302).

[1] Стратановский С. Социологический трактат о феномене алкоголизма. С. 23.

[2] См.: Зубова Л. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: НЛО, 2000. С. 362–368. См. также интересный прием в стихотворении «Стеклотару сдают, неботару...» (1975) (Стратановский С. Стихи. С. 26).

[3] «Советский язык активно использовал этот прием и еще прием сокращения слов (например, жилплощадь — жилая площадь, комдив — командир дивизии, колхоз и т. д.). До революции было гораздо меньше таких слов. ‹...› Да, эти слова, соединяя несоединимое, являются моментом сюрреализма для меня, значат живое и неживое в одном слове» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 250).

идею метаморфозы. Помимо языковых авангардистских экспериментов, они отражают абсурдное начало и косвенно напоминают также метафорические превращения в духе Кафки[1]. Гибридизация лексики выражает также интертекстуальность: «Сизифо-жизнь» ссылается на классический миф о Сизифе и на произведение Альбера Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» (1942) — текст, в котором французский писатель развивает, в свою очередь, проблематику экзистенциализма и абсурда. Напомним, что в начале 70-х гг. Стратановский перевел с французского главу «Кириллов» из «Мифа о Сизифе»[2]. Такому интересу к экзистенциализму, очевидно, способствовали причины, уходящие в самый быт подпольного, независимого писателя. В пограничном положении Обводного канала автор смог выразить всю драматичность, заброшенность, одиночество человека. Итак, в стихотворении о «феномене алкоголизма» повторное сравнение человека со свиньей завершает текст. Снова здесь антигерой советской действительности описывается как зараза для общества. Оптимистическая риторика героя социалистического реализма находит в итогах «Социологического трактата» Стратановского самое губительное, пессимистическое поэтическое сопротивление. В результате «необдуманного поступка» экзистенциального кризиса человек доведен до опустошенности, и он исключается из жизни общества: «Ползет тоскуя и блюя / Трактуем всеми как свинья / Как язва общества и мусор бытия»[3].

Самым удачным примером высшего воплощения связи между экзистенциализмом и петербургским текстом, где поэт прекрасным образом синтезирует суть своей поэтики, является емкое и высоко символичное стихотворение «Герострaты» (1970–1971):

---

[1] См.: Саббатини М. «Ленинградский текст» и экзистенциализм в контексте независимой культуры 1970-х годов (семинары, самиздат и поэзия) // Петербург столица русской культуры. Т. 2. С. 239. В стихотворении «Что же ты, головотелый...» (1968) в последней строке появляется грамматический и лексический синкретизм «Насекомый человек», где очевидно присутствует намек Стратановского на «Превращение» Кафки.

[2] «Где-то в начале 70-х я перевел с французского главу "Кириллов" из "Мифа о Сизифе" Камю. Я не знал тогда, что эта книга уже была переведена полностью ленинградским прозаиком Ридом Грачевым и распространялась в самиздате» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251).

[3] Стратановский С. Социологический трактат о феномене алкоголизма. С. 23.

А мы — Геростраты Геростратовичи
Мы — растратчики
мирового огня
Поджигатели складов сырья
И хранилищ плодоовощей
И вот со спичками идем
Осенней ночью, под дождем
Мы — разрушители вещей
Мы ищем страшного экстаза
А там, у жизни на краю
Живет она, овощебаза ‹...› [1]

Автор включает себя в титул и начальное повествование текста через интертекстуальное совпадение и через не совсем осознанный прием. «А мы — Геро*страт*ы Геро*страт*овичи / Мы — рас*страт*чики / мирового огня». Корень *-страт-* также является анаграммой фамилии философа-экзистенциалиста Жан-Поля Сартра [2]. Дело в том, что Стратановский написал эти стихи после прочтения рассказа Сартра «Герострат», включенного в сборник «Стена» (1939). Согласно словам поэта, «в стихах "Геростраты Геростратовичи" ‹...› происходит русификация отчества греческого героя Герострата. С ним связан мемориальный миф, история, он сжег храм. Еще у Сартра есть рассказ, где у главного героя есть комплекс неполноценности. Это комплекс Герострата. Я помню, прочел рассказ Сартра, и он произвел на меня впечатление. Я написал эти стихи, где есть совмещение античности и современности, есть непосредственно ленинградские реалии» [3].

Поэтическая композиция данного стихотворения создается на уровне структуры фонетики, лексики и стилистики, столкновение которых производит умножение семантических разрывов. Мотив

[1] Стратановский С. Геростраты // Стратановский С. Стихи. С. 21.

[2] Подробный анализ стихотворения «Геростраты» и его анаграмматических структур находится в статье: Саббатини М. «Ленинградский текст» и экзистенциализм в контексте независимой культуры 1970-х годов (семинары, самиздат и поэзия). С. 219–246.

[3] «В советское время людей, работавших в научных институтах, раз в 3 месяца посылали туда, где был кризис в организации работы. Обычно на овощебазы и в колхозы. Эта система просуществовала до 1986 г. Сбор овощей не был тяжелой работой и давал нам возможность уйти в отпуск пораньше. Это типичная советская реалия... сейчас не понять. Это социалистический прием» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 249).

пожара обращает на себя особое внимание[1]; он противопоставлен петербургскому мотиву сырости, дождя и гниения, которые часто встречаются у Стратановского в забвении водной природы каналов и рек города[2]. Герострaты, идущие на овощебазу со спичками, представляя собой литературных антигероев революции, выступают образами гротескными и абсурдными:

За Черной речкой, с небом рядом
Как Афродита с толстым задом
Овощебаба во хмелю
О ней мы грезили в постели
И вот она на самом деле
И роща пушкинской дуэли
Сияет рядом с ней
И Стиксов греческих черней
Здесь речка Черная течет <...>[3]

Овощебаза «за Черной речкой» находится рядом с местом «пушкинской дуэли» и является для поэта символом коллективного опыта работы. Лексическая интуиция «овощебаба» представляет собой метаморфозу и превращает мифологический образ красоты (Афродита) в советский образ убожества. Парадоксальный эротический сон превращается в тот самый кошмар Евгения, героя пушкинского «Медного всадника»[4]:

Но тот, кто пел, был счастлив тот
Не умер тот и не умрет
Не для него, для нас течет
Забвений страшная вода
Осенней ночью, под дождем
Из жалкой жизни мы уйдем

[1] В начале 70-х годов в Ленинграде возросло количество странных умышленных поджогов.

[2] Ср.: Топоров В. Петербургский текст. «Природно-культурный синтез». Сфера смыслов // Петербургский текст русской литературы. С. 29.

[3] Стратановский С. Герострaты. С. 21.

[4] В середине стихотворения обращают на себя особое внимание аллитерации и палиндромическое начало: «И Стиксов греческих черней / Здесь речка Черная течет / Но тот, кто пел, был счастлив тот / Не умер тот и не умрет / Не для него, для нас течет» (Там же).

Неведомо куда
Беги от ужаса забвений
Беги, как некогда Евгений
От бронзы скачущей по мусорной земле
Туда, где в слякоти и мгле
Лежит мочащаяся база ‹...› [1]

Подобно поэтическим аллюзиям Обводного канала [2], «страшная вода» Черной речки — «Стиксов греческих черней» — становится для Стратановского местом встречи мифа и разоблачения мифа, границей между смертью и жизнью, забвением и славой, романтическим Петербургом и застойным Ленинградом [3]. В отличие от цикла стихов «Обводный канал», в этом стихотворении поэт ссылается прямо на истоки литературного мифа «маленького человека», на «бедного Евгения» и «Медного всадника», и строит убедительный параллелизм с анонимной судьбой ленинградских «Геростратов».

В поэтике раннего творчества Стратановского прием мифологизации анонимной жизни советских маленьких людей свидетельствует об интересе к вопросам экзистенциализма. Мотивы отчуждения, крайности и безумия в жизни человека, выполненные в сюрреалистическом ключе, являются также важным источником в возрастающем диалоге между молодыми литераторами в контексте неофициальной культуры Ленинграда позднесоветской эпохи.

2. Место встречи «подпольной» культуры»

В начале 70-х гг. места встреч и способы общения молодых ленинградских представителей неофициальной литературы становились все разнообразнее; все чаще они спонтанно собирались в символических для них местах: на Малой Садовой, в «Сайгоне»,

[1] Там же.

[2] Ср.: «Приезжал всегда за ними / Старый лодочник Харон» (Стратановский С. «На заводе умирали...». С. 20).

[3] Согласно мысли Виктора Кривулина, имя Черной речки «стоит в ряду таких мифологических реальностей, как Стикс, Коцит или Ахеронт. Это место, где закатилось "солнце русской поэзии", где пролегает граница жизни и смерти нашей культуры. И в то же время — она всего лишь Черная речка, узкий извилистый проток, замусоренный различными бытовыми и производственными отходами» (Кривулин В. Белый свет над Черной речкой // Вестник новой литературы. 1992. № 4. С. 206–207).

в литобъединениях, в Публичной библиотеке, или в котельных, где многие из них работали, или же иногда организовали семинары в частных квартирах[1]. Эта специфическая особенность расширения культурного пространства представляет собой необходимое условие для демократического и спонтанного развития «второй литературной действительности». Именно эти разнообразные кружки и квартирные встречи явились главным способом существования неофициальной литературы, предоставляя возможность интеллектуальной независимости и спонтанности для творчества многих деятелей «второй» культуры, в том числе и для Стратановского[2].

Один из первых кружков литературно-философского направления появился на Обводном канале, у молодого Сергея Стратановского, в квартире его отца — известного филолога-античника Георгия Андреевича Стратановского. Таким образом, этот район начал играть особую роль в альтернативном культурном пространстве Ленинграда. В 1970-м году молодым Сергеем Стратановским был организован первый семинар любителей древней философии. Вместе с ним постоянными участниками были Кирилл Бутырин, Александр Жидков, Николай Ильин (Мальчевский) и Евгений Пазухин. Как вспоминает Стратановский, русской философией в семи-

[1] Об этом см.: Кривулин В. Двадцать лет неофициальной поэзии. (Предварительные заметки) // Часы. 1979. № 22. С. 243. Возникали неофициальные собрания самого разного рода: литературные, филологические, политические, философско-религиозные, научно-популярные, театральные, полушутливые. См.: «От домашних точек неофициальной культуры растекалась многоголосная карта подпольного Ленинграда. Квартиры К. Кузьминского на Красной улице, Юлии Вознесенской на Жуковской улице, Сергея Маслова на Кирочной улице, Елены Шварц на Школьной улице, Сергея Стратановского около Обводного канала, В. Кривулина и Т. Горичевой на Курляндской улице стали привилегированными местами встреч для молодых писателей и художников» (Саббатини М. «Ленинградский текст» и экзистенциализм в контексте независимой культуры 70-х годов. С. 225).

[2] «Впрочем, литературные салоны не играли особой роли в нашей жизни, гораздо важнее были дружеские кружки. Я часто бывала у Кирилла Бутырина в Царском Селе, где собирались Андрей Арьев, Борис Рохлин, Сергей Стратановский и Александр Жидков, потом много лет — у поэтессы Елены Пудовкиной. В этот кружок входили Стратановский, Олег Охапкин, поэтессы Елена Дунаевская, Елена Барихновская, Алла Минченко и другие» (Игнатова Е. Не только о «Сайгоне»... // Сумерки «Сайгона» / Сост. и общ. ред. Ю. Валиева. СПб.: Zamizdat, 2009. С. 190). См. также: Минченко А. Из книги «Имена ноосферы» // Там же. С. 235–245.

наре стали заниматься не сразу; сначала изучали диалоги Платона. В те годы в Ленинграде стал существовать еще один философский кружок — Татьяны Горичевой и Бориса Гройса — с явной ориентацией на западную философию. Стратановский вошел в контакт с ними, и в разговорах с Горичевой возникла также идея нового семинара. В 1974 г. Горичевой был организован самый активный и популярный семинар. В те годы она была увлечена немецкой философией и вела также переписку с Мартином Хайдеггером. Процитируем Стратановского:

> Когда образовался Религиозно-философский семинар Горичевой и Кривулина, знакомство с экзистенциализмом перешло на другой уровень. Татьяна Михайловна Горичева читала на семинаре лекции о Хайдеггере, Ясперсе, о диалектической теологии, много переводила и эти переводы публиковались в журналах «37» и «Часы»[1].

В 1975 г. Горичева вышла замуж за Кривулина, они вместе с ним и другом Львом Рудкевичем жили на Обводном канале, в номере «37» на Курляндской улице, 20, где находилась также маленькая мастерская художника Анатолия Белкина. Вот что вспоминает сам Белкин:

> Мы с Галькой, матерью моей дочери, сняли квартиру на страшной улице, за Балтийским вокзалом <...>. Район мрачный! Первый этаж... Спасал только аромат хлеба — там был неподалеку маленький хлебный заводик. Мы поселились в той самой квартире № 37, где в соседней комнате жили молодожены В. Кривулин и Т. Горичева[2].

Здесь раз в две недели, по пятницам, проводились многолюдные встречи религиозно-философского семинара; в середине десятилетия эти неофициальные и открытые вечера стали важнейшим культурным событием для многих независимых литераторов и молодых интеллектуалов. В семинаре стремились преодолеть границу подцензурных мотивов западной философии и литературы, чтобы вести более открытый диалог с официальной советской культурой. Параллельно с семинаром Горичевой какое-то время существовал еженедельный филологический семинар «Культура

[1] Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251.
[2] Белкин А. Угол Невского и судьбы // Сумерки «Сайгона». С. 195.

начала века и современное сознание», основанный Кривулиным осенью 1975 г. Он проходил по средам в квартире № 37, но продолжался только полгода[1]. Стихотворение «Мастерская поэта» (1975), завершающее раздел «Обводный канал» в сборнике «В страхе и трепете», прекрасно отражает утренние ощущения похмельного синдрома Стратановского после многолюдного семинара в мастерской № 37:

Утром портвейн, губы вяжущий
утварь в стекле помутилась
Стулья и стол чуть бормочущие
кошки мостами горбатятся
Студень очей несияющих
с хлебом черствым
с богемной солью
Об пол желает грохнуться
посуда-самоубийца
Стены едва бормочущие
облиты ядом обойным
Только углом и не больно
чернеющим как метафизика
О, написать бы на кошках
кистью богемной «надежда»
На потолке, на полу, на ложках
Краской звеняще-багровой
Краской залива восхода[2]

Это поэтизированное похмельное состояние в квартире поэта Кривулина и мастерской художника Белкина соответствует атмосфере богемного быта ленинградских компаний литераторов и художников, где пьянство служило «эстетическому» объединению всей молодой беспризорной интеллигенции[3]. Публичный

[1] «В. Кривулин читал в основном доклады о малоизвестных и малоизученных авторах — П. Анненкове, А. Добролюбове, В. Комаровском, С. Надсоне, К. Случевском» (Саббатини М. «Ленинградский текст» и экзистенциализм в контексте независимой культуры 70-х годов. С. 229).

[2] Стратановский С. Мастерская поэта // Стратановский С. Стихи. С. 27.

[3] Ср.: Вензель Е. Ленинград 70-х: пьянство как modus essendi // Пчела. № 12. 1998 (http://www.pchela.ru/podshiv/12/modus_essendi.htm (дата обращения: 15.12.2012)).

«Последний» кадр из художественно-документального фильма Алексея Учителя «Обводный канал» 1990 г.

эквивалент этой атмосферы можно было найти только в «Сайгоне». Удивляет, насколько, спустя более 30 лет, интереснейшие и чудные воспоминания Белкина о быте в мастерской соответствуют стихотворным впечатлениям Стратановского после семинара:

> Как мы там жили? Там было дикое количество бутылок, все пили, и у нас были тропинки между бутылками в ванну, в туалет и в другие важные места. Вдруг однажды Горичева притащила «котеночка», который на следующий день оказался взрослой кошкой. Через пару дней ‹...› кошка родила у нас котят, штук восемь!
>
> Витька любил писать стихи в ванной ‹...› И вот сцена: захожу в ванную, и чуть от ужаса не обмер — Витька лежит в ванной, вода сошла, а он весь в трупных пятнах. Оказалось, всю ночь писал стихи и заснул в ванной. Он чернилами писал, и они все расплылись. И вот лежит, облеплен собственными стихами. Сцена прямо как «смерть Марата». И тут же котята пищат.
>
> Я стучу Горичевой, говорю: «Слушай, Таня! Ты притащила кошку, так отвечай за нее. Дай ей молочка, и потом котята всюду между бутылками застревают, орут. Это кошмар!» Она говорит: «Толя, я не могу! Я готовлюсь к семинару по Шопенгауэру»...

‹...›

Я думаю: «Какой Ницще?! Какой Шопенгауэр?! Бедный Витька голодный ходит. Котята орут. Ад просто...»

Гости были бесконечные. Дикое количество. Приходили в большую комнату, к Тане и Вите. Туда вносили все стулья, бутылки прибавлялись, тропинки становились уже[1].

Весной 1976 г., когда квартира № 37 оказалась в поле зрения КГБ, Кривулин был вынужден прекратить занятия филологического семинара и семинар Горичевой переместился в квартиры Вячеслава Долинина, Романа Цветова, Льва Большова и Евгения Пазухина. В 1980 г. Горичева эмигрировала на Запад и ее Религиозно-философский семинар прекратил существование.

Подводя итоги, можно сказать, что встречи на Обводном канале, у Стратановского в 1970 г. и у Горичевой и Кривулина с 1974 г., свидетельствуют об особом интересе независимых литераторов Ленинграда к русской религиозной философии начала XX в., современной европейской литературе и экзистенциализму[2]. В самиздате тех лет остались также сведения о докладах философского характера поэта Стратановского[3]. Но то, что происходит в середине 70-х гг., особенно после собраний на Обводном канале, имеет еще большее значение в контексте неофициальной поэзии и самиздатских изданий.

3. Кузница самиздата

Внимание к поэзии в независимой культуре являлось первостепенным, и, когда в 1975 г. издательством «Советский писатель» был отклонен запрос выпустить антологию тридцати двух неофициальных ленинградских поэтов «Лепта» (среди них был Стра-

[1] Белкин А. Угол Невского и судьбы // Сумерки «Сайгона». С. 195–196.

[2] Ср.: Иванов Б. Existentialismus? — Vorbei // 37. 1976. № 6. С. 3–27 (Бременский архив. Фонд 5.1).

[3] «В августе на заседании религиозно-философского семинара был прочитан доклад Сергея Стратановского о философских взглядах Федора Степуна дореволюционного периода. ‹...› Докладчик попытался рассмотреть взгляды Степуна в контексте той ситуации, которая сложилась в русской религиозной философии в 10-е годы» (На религиозно-философском семинаре: публичное чтение // Часы. 1979. № 20. С. 255–257 (Бременский архив. Fso. Фонд 5/2.01)).

тановский), произошел символический разрыв с официальной культурой[1]. Периодические издания, неофициальные антологии и сборники стихов отдельных поэтов еще больше распространялись после этого отказа в публикации.

Весной 1976 г. почти одновременно появились альманах Бориса Иванова «Часы» (1976–1990, с № 12 — журнал) и журнал «37» (1976–1981), название которого соответствовало номеру квартиры на Обводном канале, где жила редколлегия: Кривулин, Горичева и Рудкевич[2]. Стихи Стратановского появились в «37», № 7/8 1976 г., и одновременно в девятом номере «Часов»[3]. Его произведения 1979 года публиковались в первом номере журнала стихов и критики «Северная почта» (под редакцией Сергея Дедюлина и Виктора Кривулина)[4]. В четвертом номере журнала появилась первая критическая статья о поэзии Стратановского: под псевдонимом Александра Каломирова Виктор Кривулин рецензировал вышеназванный самиздатский сборник поэта «В страхе и трепете»[5]. Третья книга Стратановского объединяла избранные стихи, написанные с самого начала его творческой деятельности до конца

[1] «В 70-е гг. мы стали более активными. Начали следить за другими группами, особенно за группами неофициальных художников и скульпторов, которые в Доме культуры им. Газа в конце 1974 г. устроили выставку. Это было после знаменитой "бульдозерной" выставки в Москве. И после этого случая мы задумали создать антологию неофициальных поэтов "Лепта". Издательство "Советский писатель" отвергало наше предложение. Несмотря на положительную рецензию Майи Борисовой, против нас выступил П. Выходцев, профессор русской советской литературы, преподававший на филологическом факультете университета. Он написал отрицательную рецензию, и нам не удалось опубликовать антологию. В нее были включены и мои стихи тоже» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 247).

[2] Лев Рудкевич эмигрировал в Вену за четыре года до Горичевой — в 1977 г.

[3] Стратановский С. Избранные стихи и поэмы // Часы. 1978. № 9. С. 151–166. Ср.: Кривулин В. «37», «Северная почта» // Самиздат: по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы» / Сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб.: Ниц-Мемориал, 1993. С. 74–75. Стратановский публиковался также в «Часах» №№ 9 (1977), 16 (1978), 28 (1980), 39 (1982), 52 (1985).

[4] Стратановский С. Стихи 1979 года // Северная почта. 1979. № 1/2. С. 27–36. Последний номер посвящен Александру Блоку: Стратановский С. На «музыку» Блока // Северная почта. 1981. № 8. С. 4.

[5] Каломиров А. Третья книга Сергея Стратановского // Северная почта. 1979. № 4. С. 24–44.

«Обводный канал». На обложке журнала «Обводный канал» № 7, Ленинград 1985 г. Фото Бориса Кудрякова (Личный архив С. Стратановского)

семидесятых годов (многие стихи принадлежат первым двум самиздатским книгам поэта: «Избранные стихи» 1968–1972 гг. и «Вторая книга» 1973–1975 гг.). Девять разделов этого третьего сборника конца семидесятых дают повод Кривулину для размышления о творчестве Стратановского и о целом десятилетии:

> Сборник объединяет стихи, созданные в основном в 70-е гг. Пока трудно говорить о том, что это было за время. Для целого поколения поэтов прошлое десятилетие оказалось порой творческой зрелости, — это несомненно, но до сих пор остается темным, каким образом и в чем эта зрелость проявилась. Это было десятилетие кризисное, промежуточное [1].

В начале 1981 г. другая и еще более широкая статья о Стратановском была написана Бутыриным (под псевдонимом К. Мамонтова) и опубликована в журнале «37», № 21, и несколько позже в переработанном и дополненном виде появилась в первом номере журнала «Обводный канал» [2]. В 1980 г. вместе с Бутыриным Стратановский начал осваивать опыт самиздатских из-

[1] Там же. С. 24.

[2] Мамонтов К. Поэзия С. Стратановского. С. 128–194.

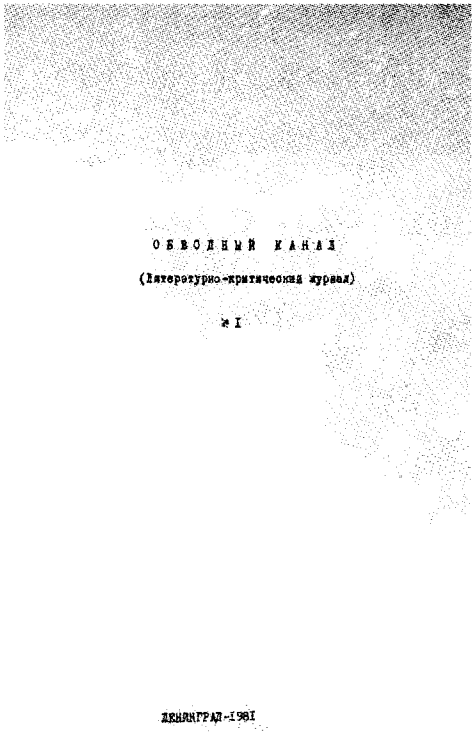
даний и выпустил три номера журнала «Диалог». После этого кратковременного опыта Бутырин и Стратановский, с участием Бориса Рохлина, создали новый и более солидный самиздатский литературно-критический журнал под названием «Обводный канал» (1981–1993). В нем отражены действия, мнения и оценки деятелей «Второй культуры» на фоне всех перемен 80-х гг. Десятилетие существования журнала охватывает последнее дыхание брежневского застоя, переходный период Юрия Андропова и Константина Черненко, перестройку и гласность Михаила Горбачева до распада Советского Союза. Вышло 18 номеров, и во многих из них Стратановский опубликовал свои стихи, критические работы и полемические отзывы, кроме этого участвовал в редакционной работе раздела поэзии. Идея журнала «Обводный канал» в основном принадлежит Бутырину, но также благодаря Стратановскому раздел поэзии сыграл важнейшую роль и обеспечил успех этого издания в течение 80-х гг.[1] Таким образом, благодаря самиздату, Обводный канал нашел новый путь для мифологизации, окончательно вошел в топонимику подпольной культуры, в список самых символических мест неофициальной литературы Ленинграда.

Нужно еще заметить, что после прекращения существования «37» и «Северной почты» и для Стратановского сократилась возможность распространять свою поэзию в самиздате. В 1982 г. его стихи появились в самиздатской антологии ленинградской неофициальной поэзии «Острова»[2]. Параллельно работая над журналом «Обводный канал», поэт стал также участвовать в «Клубе-81». Эта организация под эгидой советских структур официальной культуры и цензуры предоставила Стратановскому возможность нескольких публичных выступлений и чтений и лишь одной публикации в литературно-художественном сборнике «Круг», в конце 1985 г. В этой антологии поэт впервые мог увидеть свои произведения опубликованными в официальной печати[3].

[1] Бутырин К. У истоков «Обводного канала» // Самиздат: по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С. 124–129.

[2] Стратановский С. Стихи // Острова. Антология ленинградской неофициальной поэзии / Сост. А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, Э. Шнейдерман. Ленинград, 1982. С. 247–259.

[3] Стратановский С. Стихи // Круг. Литературно-художественный сборник / Сост. Б. Иванов, Ю. Новиков. Л.: Советский писатель Л.О., 1985. С. 204–207.


ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

(Литературно-критический журнал)

№ I

ЛЕНИНГРАД-1981

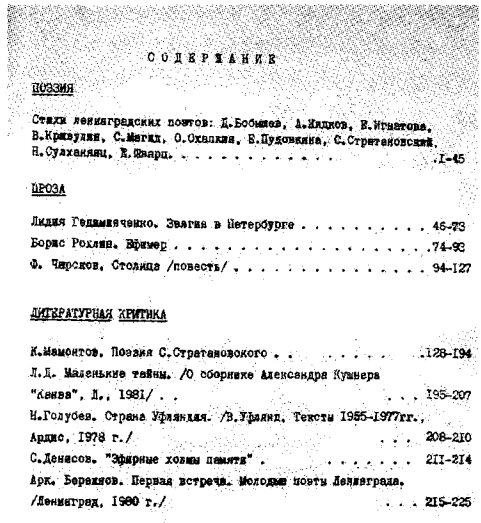
Литературно-критический журнал «Обводный канал». № 1, Ленинград 1981 г. Обложка. (Бременский архив. Фонд К. Бутырина)

В журнале «Обводный канал» стихи Стратановского публиковались в 1, 7, 8, 11, 14 и 16 номерах[1]. Все эти публикации способствовали успеху и относительной известности поэта в неофициальной литературе Ленинграда и Москвы[2]. Но во второй половине 80-х гг. поэт страдает признаками глубокой депрессии и фактически пре-

[1] Среди критических отзывов и полемических выступлений Стратановского выделяются критика на поэзию Миронова (Стратановский С. Подмигивающие ангелы. После вечера Александра Миронова // Обводный канал. 1983. № 4. С. 261–264); полемика о журнале «А-Я» (Стратановский С. Черные игры (письмо к другу о новом литературном журнале) // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 195–198); литературная анкета, посвященная столетию со дня рождения Велимира Хлебникова (Обводный канал. 1986. № 9. С. 136–140).

[2] В тамиздате стихи поэта нашли место в альманахе Михаила Шемякина «Аполлон-77», опубликованном в Париже в 1977 г.

Литературно-критический журнал «Обводный канал». № 1, Ленинград 1981 г. Содержание. (Бременский архив. Фонд К. Бутырина)



С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ

Стихи ленинградских поэтов: Д.Бобышев, А.Жидков, Е.Игнатова, В.Кржевулин, С.Магид, О.Охапкин, Е.Пудовкина, С.Стратановский, Н.Сулханянц, Е.Шварц. 1-45

ПРОЗА

Лидия Гедымяченко. Звягин в Петербурге 46-73
Борис Рохлин. Ефимер 74-93
Ф. Чирсков. Столица /повесть/ 94-127

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

К.Мамонтов. Поэзия С.Стратановского 128-194
Л.Д. Маленькие тайны. /О сборнике Александра Кушнера "Канва", Л., 1981/ 195-207
Н.Голубев. Страна Уфляндия. /В.Уфлянд. Тексты 1955-1977гг., Ардис, 1978 г./ . . . 208-210
С.Денисов. "Эфирные холмы памяти" 211-214
Арк. Бережнов. Первая встреча. Молодые поэты Ленинграда. /Ленинград, 1980 г./ . . . 215-225

кращает писать. На страницах «Обводного канала» появляются лишь несколько стихов, которые свидетельствуют о внутреннем состоянии поэта:

ДЕПРЕССИЯ

Время мое от таблетки к таблетке ползя
Тихо дичает.
И смотрит икона Ничто
В начиненного химией.
Выйду в заброшенный сад.
«Здравствуй, — скажу я шатру
Листьев шумящих. —Химия мира еще не вселилась в тебя
Древен, но мощен еще
Ствол Саваофов».
«Здравствуй, — скажу я земле. —

Мы с тобою и вправду родные.
Не отвергай же меня,
выслушай тихо меня»[1].

Физиопсихологическое состояние поэта отражено в лирическом герое последних стихов 80-х гг., опубликованных в 16 номере «Обводного канала» в 1988 г. Это является последней публикацией Стратановского в журнале; в начале следующего стихотворения одновременно вновь слышится эхо Ветхового Завета, а также аллюзия на тютчевское «Все отнял у меня казнящий бог» и на стихи Олега Охапкина «Все отнял у меня Господь»[2] — строки, всегда очень близкие поэтике Стратановского:

Бог отнял дар. Тяжелая потеря.
Но я за жизнь цепляюсь, веря
Что вспыхнет радуга вещей
В моей душе еще мощней.

Ну а пока, все духи жизни
Как гости скорбные на тризне
Молчат не поднимая глаз

На что глядеть? Огонь погас[3].

Мотив отношений между Богом и человеком и тема боли и страданий характеризуют многие стихи поэта до конца 80-х гг. Фигура Иова является отличным примером оправдания обыденности в поэтике Стратановского, о котором четко пишут Кирилл Бутырин и, несколько позже, Никита Елисеев[4]. По словам Бутырина, «у Стратановского религиозное отношение к миру сидит не в го-

[1] Стратановский С. Депрессия («1988») // Обводный канал. 1988. № 14. С. 6.
[2] Охапкин О. Тяжелые крылья (1972) // Охапкин О. Стихи. Ленинград — Париж: Беседа, 1989. С. 160.
[3] Стратановский С. Стихи // Обводный канал. 1989. № 16. С. 22. В этом собрании присутствуют другое неизданное стихотворение (двойник) Стратановского «Бог отнял дар. Нечаянный подарок...» и изданные в 90-е годы известные стихи «Неужели так называемая Духовность...» и «С болью наедине...» (Там же. С. 23). Ср.: Стратановский С. Тьма дневная. М.: НЛО, 2000. С. 115, 117.
[4] См.: Мамонтов К. Поэзия С. Стратановского. С. 185. Ср.: Елисеев Н. Клерк-соловей // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 123.

лове, а в крови. Головою он — интеллигент, идеолог, проблематик, но вот по крови, по темпераменту своей Музы – подлинно потомок тех безвестных русских Иовов»[1]. В конце 80-х гг. тяжелое жизненное и психологическое состояние поэта действительно не отличается от внутренних страданий героев в ранних его стихах.

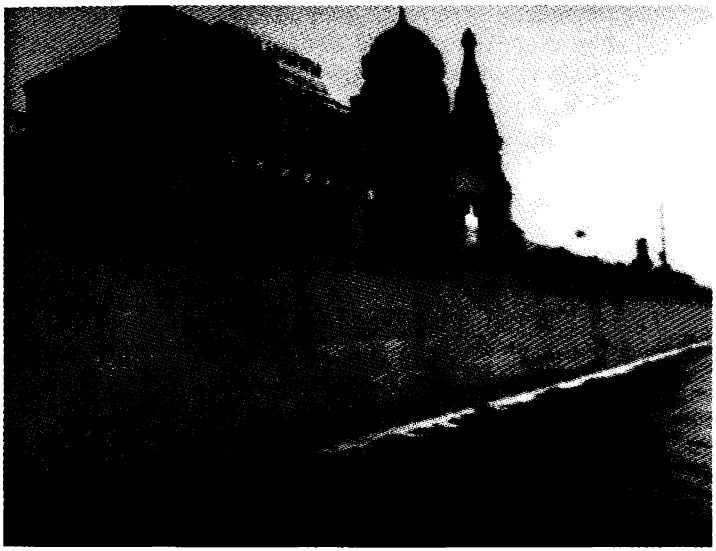
4. «И вдоль канала Обводного...» после Ленинграда

В 1990 г. кинорежиссер Алексей Учитель снял художественно-публицистический документальный фильм «Обводный канал», где «физиология» этого района города находит неожиданно оригинальное поэтическое выражение. Действие почти короткометражного фильма разворачивается в главных заведениях и публичных местах у Обводного канала, предназначенных для человеческого контакта и общения: в пивной, во дворах, в доме культуры, в духовной академии, а также в психиатрической больнице. Нить в рассказе режиссера о сумасшедшем районе постоянно прерывается под живым взглядом странных героев: простых людей, певиц, сумасшедших, поэтов и т. д. Одна из главных фигур фильма — Виктор Кривулин; вместе с ним появляются другие представители независимой культуры тех лет, например Андрей Синявский, Мария Розанова, Александр Горнон, Митьки. Алексей Учитель показал странный мир Обводного канала, где подозрительные личности на грани безумия будто бы живут в иной реальности[2]. Безусловно, кинофильм способствовал развитию мифотворчества этого места на новом уровне. Стратановский, который в эти годы отошел от главных действий неофициальной культуры, не участвовал в проекте молодого кинорежиссера.

В 90-е гг., в контексте послесоветской России, когда поэт вернулся к творчеству, мотив Обводного канала не исчезает. С ним связаны «ностальгические» стихи 1996 г., где поэт передает

[1] Мамонтов К. Поэзия С. Стратановского. С. 191. Ср.: Niero A. Introduzione // Stratanovskij S. Buio diurno. Torino: Einaudi, 2009. P. 21.

[2] При просмотре кинофильма вспоминаешь стихи раннего Стратановского из цикла «Обводный канал» или его же стихи, где он описывает судьбу «брата» в психиатрической больнице. См.: Стратановский С. Поездка к брату в психбольницу (1982) // Стратановский С. Стихи. С. 160.



Дом культуры и техники имени Карла Маркса на Обводном канале. Кадр из художественно-документального фильма Алексея Учителя «Обводный канал» 1990 г.

сюрреалистическую атмосферу района, вспоминая старые названия клубов дешевой пищи на задворках или «скверик у калошного завода» («Красного треугольника»):

Были клубы на задворках: «Бригантина»,
«Алый парус», «Лисс» и «Зурбаган».
Словно из блаженного притина
к нам летели через трепетный туман
эти звуки невзаправдашнего мира
в чахлый скверик у калошного завода,
где алкашная скамейка, папироска
и глоточек непротивного портвейна[1].

Тонкие лиризм и ирония ведут поэта «через трепетный туман» канала, чтобы вновь окунуться в то самое отстранение «маленького» человека 70-х гг., которое так характерно для молодого автора.

В следующем стихотворении 90-х гг. «Безлицый, Газовый...» изображено некое мифическое существо, похожее на сологубовскую

[1] Стратановский С. Тьма дневная. С. 142.

Недотыкомку из романа «Мелкий бес», живущее в «террариуме коммуникаций»[1]. Слово Газовый связывает его, с одной стороны, с газом, а с другой — с проспектом (улицей) Газа. Видимо, здесь Стратановский попытался создать еще один петербургский миф[2]:

Безлицый, Газовый
        в террариуме коммуникаций
Под землею живущий
        или в туманном канале
Мимо плывущий
Мимо заводов, больниц
Мимо пасмурных лиц
Мерзопийц чуть бормочущих
У грохочущей улицы Газа
Безлицый, Газовый:
        не существо — пузырь
Землицы бросовой
        Унылой жизни зыбь[3].

Как показывают эти стихи, игровой принцип в восприятии символов Обводного канала подчеркивает ощущение сюрреальности и расширяет границы семантического слоя поэтического языка Стратановского. В стихах 90-х и нулевых гг., например тех, которые включены в книгу «На реке непрозрачной» (2005), в условиях современной России Стратановский не меняет своего отрицательного отношения к Петербургу:

Город мой... Серебристая мышь аполлонова
Все скребется в подполье...
        А мне- то, наверное, заново
Жить придется по-страшному,
                в декорациях прежних, покрашенных
Серой краской с подтеками[4]

[1] Федор Сологуб жил на Обводном канале в Батайском переулке (в начале XX в. Матятин переулок). Там жил также художник Мстислав Добужинский, от которого остались изображения и рисунки Обводного канала начала 1900-х гг.

[2] Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251.

[3] Стратановский С. Тьма дневная. С. 133.

[4] Стратановский С. «Город мой...» (весна 2003) // Стратановский С. На реке непрозрачной. СПб.: Пушкинский фонд, 2005. С. 8.

Петербургский текст часто имеет свой подтекст в городском фольклоре, и, как известно, мифология Обводного канала связывается не только с литературным мифом Петербурга-Ленинграда, но и с преданиями и легендами о проклятом месте, о месте самоубийств, сумасшествия, насилия под воздействием темной силы[1]. В неприглядном индустриальном и потустороннем мире загрязненного канала этот уровень мифологизации проклятого места под воздействием темной силы остается скрытым, недосказанным, или просто отсутствует.

В мифопоэтике Стратановского Обводный канал еще продолжает играть свою специфическую роль, одновременно представляя собой символическое столкновение мечты «маленького» человека с реальной жестокой действительностью и идеальное пространство для творческого вдохновения поэта. Именно «вдоль канала Обводного» устремление к творческому самовыражению Стратановского трагически совпадает с метафизической болью поэта и его ощущением забвения[2]:

И вдоль канала Обводного
Грохот махин болетворных
Грузовозов тоски,
        и сжимает, сжимает виски
Транспортное кольцо,
        и в обыденном грохоте тонет
Исчезает лицо
        а душа устремляется в море[3]

[1] Ср. Синдаловский Н. От Петра до Петра, или Фольклор по обе стороны окна в Европу. Допетербургские страницы мифологии Петербурга // Нева. 2012. № 10 (http://magazines.russ.ru:8080/neva/2012/10/s8.html (дата обращения: 22.10.2012)).

[2] См.: Кривулин В. Сквозь призму боли и ужаса // Стратановский С. Тьма дневная. С. 181.

[3] Стратановский С. «И вдоль канала Обводного...» (90-е гг.) // Там же. С. 132.

Приложение № 1
Библиографический список литературы Сергея Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал» (Из Бременского архива)

Стратановский С. Стихи / Стихи ленинградских поэтов // Обводный канал. 1981. № 1. С. 26–28.

Стратановский С. Подмигивающие ангелы. После вечера Александра Миронова // Обводный канал. 1983. № 4. С. 261–264.

Стратановский С. Письмо Стратановского Ю.А. Андрееву (1 февраля 1984) // Обводный канал. 1983–1984. № 5. С. 325–326.

Стратановский С. Вместо ответа на анкету // Обводный канал. 1983–1984. № 5. С. 261–262.

Стратановский С. Библейские стихи // Обводный канал. 1985. № 7. С. 36–41.

Стратановский С. Стихи / Стихи поэтов // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 19–20д.

Стратановский С. Несколько слов о стихах Геннадия Айги // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 180–187.

Стратановский С. Черные игры (письмо к другу о новом литературном журнале) // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 195–198.

Стратановский С. Несколько слов о Хлебникове (вместо ответа на анкету) / Велимир Хлебников. Литературная анкета, посвященная столетию со дня рождения поэта // Обводный канал. 1986. № 9. С. 136–140.

Стратановский С. Нечто об авангардизме // Обводный канал. 1986. № 10. С. 293–300.

Стратановский С. Стихи // Обводный канал. 1987. № 11. С. 18–22.

Стратановский С. О Д.Е. Максимове и его стихах // Обводный канал. 1987. № 12. С. 11–12.

Стратановский С. Стихи 1988 года // Обводный канал. 1988. № 14. С. 5–6.

Стратановский С. Стихи // Обводный канал. 1989. № 16. С. 22–23.

Приложение № 2
«Обводный канал»

Это собрание стихотворений Сергея Стратановского под названием «Обводный канал» является третьим разделом в самиздатском сборнике автора «В страхе и трепете. Избранные стихи 1968–1979 гг.» (Ленинград, 1979). Этот сборник стихов представляет собой итоговый этап в творчестве Стратановского 70-х гг. Книга успешно распространялась в неофициальной литературной среде Ленинграда и Москвы, получив в самиздатских изданиях положительные отзывы Виктора Кривулина (под псевдонимом Александра Каломирова) в журнале поэзии и критики «Северная почта» (1979, № 4) и Кирилла Бутырина, публиковавшегося под псевдонимом К. Мамонтова в журналах «37» (1980/81, № 21) и «Обводный канал» (1981, № 1).

В представленном здесь собрании сохраняется порядок расположения стихов на основе двух проверенных экземпляров, одного — из Бременского архива (Фонд «Рохлин» 30.53) и второго — из частного архива Стратановского. С согласия автора впервые публикуется стихотворение «Лестница Ленинграда...», написанное в 1975 г. Расположение и количество знаков препинания отличаются от опубликованных версий текстов в сборнике 1993 г. (Стихи. СПб.: Ассоциация «Новая литература». С. 128), но соответствуют последнему желанию автора.

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

А там — Главрыбы и Главхлеба
Немые, пасмурные души,
А там промышленное небо
Стоит в канале...
И боль все медленней и глуше,
А ведь вначале
Была такая боль...
Дым заводской живет в канале,
Чуть брезжит, чуть брезжит осенний день,
И буквы вывески Главсоль
Шагают по воде.
И мнится: я — совсем не я
Среди заводов и больниц

Продмагазинов, скудных лиц
Я стал молчанием и сором бытия

1969

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ В СТИХАХ О ФЕНОМЕНЕ АЛКОГОЛИЗМА

Мы чудесно спасемся пустот бытия!

И тоску, словно черствую булку
Алкогольным ртом жуя,
Человек ползет по переулку
Трактуем всеми как свинья.
А некогда его портреты в цехе
Сияли гордо и красиво.
Он жил, радея за успехи
Родного коллектива.
Была квартира и семья,
И сыновья учились в школе
На диалектиков,
но сущность бытия
Он потерял и в алкоголе
Нашел забвенье и себя.
О, ты — феномен отчужденья:
Сизифо-жизнь, никчемный труд.
Живут дома как наважденья,
Каналы мутные текут.
О Ленинград — земля пустая,
И нелюбезная народу.
Здесь мутят черти из Китая
В каналах медленную воду.
Здесь Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг
Сосут вампирами пустыми.
И ты сгибаешься под ними —
Ничтожный человеко-мост
Мост от рожденья до могилы
Через каналы и дома
Сквозь свет нелепый и немилый,
Сквозь годы в мире несчастливом.

И птица над заливом
Летает как тюрьма.
Ей не дано свободы
Ее сожрет Китай.
За беды и невзгоды
Ей не обещан рай.
И человек по мостовой
С отяжелелой головой
Ползет тоскуя и блюя,
Трактуем всеми как свинья,
Как язва общества и мусор бытия.

1971

МОЧАЩИЙСЯ ПРОЛЕТАРИЙ

Сквозь сон мочащийся Сизиф —
Чернорабочий, такелажник.
Жалок он и некрасив.
Был набит его бумажник
Квартальной премией,
но скуку бытия
Почувствовав, все пропил сразу.
Взяла милиция тебя
Как социальную заразу
И в вытрезвителе,
мочась сквозь небо ночи,
На свой завод, на прорву труб,
Ты лежишь, чернорабочий,
Безобразен, темен, груб.
И в твоем духовном взоре
Цехи, трубы, человеки...
А моча уходит в реки,
А после в Неву и море...
В огромное, чистое море,
Где чайки кричат над водой.

1971

ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

И сквозь заборы и заводы
Шумят с рассветом поезда.
Едет утром на заводы
Человек — пустяк природы,
И дрожит сквозь непогоды
Близорукая звезда.
Ночью Эрос, ночью Нина,
Утром холод и завод.
Неприглядная картина,
Неприветливый народ.
Будни жизни, бремя боли,
Лишь у Нины дорогой
Ты в любви как в алкоголе
Обретаешь свет земной.

1971

* * *

Так уходит земля, от которой рождаются боги,
И приходят дома, где не будет вовек домовых:
Квартал у железной дороги
С дымАми заводов своих.
Как там вечерами красиво:
В полнеба бездомный закат.
И мощью всего жилмассива
Как божьей пятою примят
Какой-то безумный рабочий
И бессмысленный Орфей.
О, блуждающие очи
Развеселых пустырей

1972

* * *

На заводе умирали
Каждый месяц, чередой.
Их портреты выставляли
В черных рамках, в проходной.
И ручьями заводскими
В чистой лодке похорон.
Приезжал всегда за ними
Старый лодочник Харон.
Через дождь, скучанье, горе,
Сквозь надгробные слова
Уплывали души в море:
Там — Блаженных острова

1970

* * *

Стеклотару сдают, неботару,
Баботару восторгов, надежды,
Баботару любви
с отпечатками скотства и пьянства,
Неботару без неба, с остатками боли и яда
Боготару пространства
с плотвой Иисусовой, с мусором
С метафизикой боли,
метафизикой зорь и надежды.

1975

* * *

Ленинградская лестница,
щи, коммунальная дверь:
Провода от звонков:
Иванов, Розенцвейг, Иванов...

В шапке снега бескровного,
с холода,
зябкими пальцами спичку —
В коммунальную бестолочь, выморочь,
в джунгли обид в коридоре.
Там женщина плачет в смятенье и горе,
В норе бытия
без любви и без света.
И ни единым словом не согрета.

1975

* * *

Лампочка света разбитого,
польта в прихожей и шапки.
Здесь ли гражданка Корытова,
чьи моральные принципы шатки?
Здесь ли Фома Маловеров?
Нет, он уехал в Канаду.
Грязных твоих фаланстеров
ему и задаром не надо.
В кухне огромные окна,
полные моря заката.
Ну а в уборной пятна
как европейская карта:
Видишь, вот Скандинавия,
Дания рядом как будто —
Родина добронравия
и сексуального бунта.
О, сапоги рассохшиеся,
с комьями глины небесной,
Клянчущие метафизики
фрайбургской, бесполезной.
О, языки смесившиеся,
как при строительстве башни,
Кухонный с интеллигентским
в супе всеобщем, вчерашнем.

1975

■ Марко Саббатини (Мачерата)

МАСТЕРСКАЯ ПОЭТА

Утром портвейн, губы вяжущий,
утварь в стекле помутилась...
Стулья и стол чуть бормочущие,
кошки мостами горбатятся.
Студень очей несияющих,
с хлебом черствым
с богемной солью...
Об пол желает грохнуться
посуда-самоубийца.
Стены едва бормочущие,
облиты ядом обойным,
Только углам и не больно
чернеющим как метафизика.
О, написать бы на кошках
кистью богемной «надежда»,
На потолке, на полу, на ложках
Краской звеняще-багровой,
Краской залива восхода.

1975

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 3

I. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Томас Эпстайн
Exiles on Main Street: Введение
в ленинградскую неофициальную культуру 9
Жан-Филипп Жаккар
«Антимодерны» в стране советов:
от авангарда к андеграунду 18
Сергей Завьялов
Ретромодернизм в ленинградской поэзии
1970-х годов 30
Александр Скидан
Пре-вращение: Поэтические машины
Александра Введенского 53

II. К ИСТОРИИ САМИЗДАТА

Борис Иванов
Самиздат — как инкубатор свободного слова 75
Сергей Дедюлин
«ТАМ БЫЛ ГОРОД...» «Северная почта»:
из воспоминаний о реальном сотрудничестве
редакции с поэтами и критиками 94
Приложение. Сергей Дедюлин, «Вместо дневника»
[О Бродском, 1] 108
Юлия Валиева
«Поэты кафе "Сайгон"» 114

Анн Комароми
«Митин журнал» и способ бытования текста 133
Приложение. Самиздатские периодики «Второй культуры» Ленинграда 151
Тамара Буковская
«Самиздат» после «самиздата». 157
Александр Житенев
Философия культуры Бориса Иванова 160

III. ПОЭТИКА

Юрий Орлицкий
Строфическая уникальность ленинградской неподцензурной поэзии 175
Людмила Зубова
Поиски личного языка поэтами «Филологической школы» (Поэтика Леонида Виноградова и Михаила Еремина) 195
Стефани Сандлер
Михаил Еремин пишет стихотворение «Перевод» . . 217
Татьяна Никольская
Поэзия Алексея Хвостенко и ленинградская богема. 224
Илья Кукуй
Заметки о поэтике Анри Волохонского 1960-х гг. . . . 232
Петр Казарновский
«Опыты нащупывания реальности»: О прозаических произведениях Вл. Эрля, А. Ника, Б. Ванталова / Б. Констриктора 251
Приложения [цитаты] 261
Марко Саббатини
«Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского 1970–1980-х гг. 267
Приложение 1. Библиографический список литературы Сергея Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал» (Из Бременского архива) 301
Приложение 2: Сергей Стратановский, «Обводный канал» 302
Йенс Херльт
«Чем ты и дышишь и живешь...»: О соотношении истории и культуры в творчестве Виктора Кривулина 309

Кристиан Цендер
Послание в безвременье: Л. Аронзон
и его жизнь после смерти в неофициальной поэзии
Ленинграда 1970–1980-х гг.
(случаи А. Альтшулера и Вл. Эрля) 328
Приложение: Леонид Аронзон,
«Послание в лечебницу» (1964) 345
Жозефина фон Цитцевитц
Елена Шварц и Олег Охапкин:
Поэзия как молитва? 346
Виолен Фридли
Память и забвение в творчестве Елены Шварц 368

ПРИЛОЖЕНИЕ. СТИХИ

Аркадий Драгомощенко 385
Михаил Еремин 396
Владимир Эрль 407
Сергей Стратановский 414
Тамара Буковская 418
Сергей Завьялов 449
Александр Скидан 453
Петр Казарновский 466

Об авторах 471